М.В. ЛЯЛИН



ИНЖЕНЕР ПРОРЫВА

Михаил Лялин
Инженер Прорыва

https://litres.ru/74759767
SelfPub; 2026

Аннотация

Система пришла на Землю в 14:07. Миллиард людей нажал на иконки «Воин» и «Маг», и в первые сутки девятьсот миллионов погибли. Инженер-конструктор Глеб Ракитин вместо этого заперся в венткамере и прочитал пользовательское соглашение на 412 страниц. Оказалось, что Система работает по законам физики. Огненный шар выжигает кислород вместе с магом, берсерк сжигает энергию за минуту, а пули у Разломов теряют скорость. Глеб выбрал скрытый класс Фортификатора и начал побеждать монстров сопроматом.

Содержание

Инженер Прорыва. Том 1 4
Введение 5
Глава 1. Мелкий шрифт 7
Глава 2. Импульс 18
Глава 3. Десять минут 29
Глава 4. Расчётный случай 40
Глава 5. Устав 50
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Михаил Лялин
Инженер Прорыва

Инженер Прорыва. Том 1

Nov 2, 2026 · @Михаил

Введение

Любая конструкция рушится не там, где она сильнее всего нагружена. А там, где её неправильно рассчитали.

Из лекций по сопротивлению материалов

В тот день Система пришла на Землю в 14:07 по новосибирскому времени. Одновременно на всех континентах, во всех городах, в каждой голове.

Над каждым человеком загорелся полупрозрачный интерфейс. Классы, навыки, характеристики — всё как в компьютерных играх, в которые полпланеты играло последние тридцать лет. Воин, Маг, Целитель, Лучник. Нажми на иконку — получишь силу. Убей монстра — получишь опыт. Проще некуда.

А вместе с интерфейсом пришли Прорывы. Разрывы пространства, из которых полезли твари.

Миллиарды людей сделали то, что подсказывали им десятилетия игр. Нажали на «Воина». Схватили арматуру. И побежали навстречу первому монстру.

В первые сутки погибло почти девятьсот миллионов.

Потому что у этой Системы был один нюанс, о котором никто не прочитал. Она не была игрой. Она была физикой. Здесь огненный шар имел температуру и радиус разлёта и выжигал кислород в закрытом помещении — вместе с самим магом. Удар воина подчинялся закону сохранения импульса.

Щит держал ровно столько ньютонов, сколько в нём было, и ни одним больше. А монстры весили столько, сколько весили, и падали с той скоростью, какую им давало ускорение свободного падения.

Система не прощала ошибок в расчётах.

Глеб Ракитин, тридцати двух лет, инженер-конструктор, специалист по строительной механике, в 14:07 стоял в атриуме торгового центра с дрелью в руках. Он не играл в игры с восемнадцати лет. Зато двенадцать лет считал нагрузки на перекрытия, усилия в тросах и запас прочности несущих колонн.

Он оказался одним из немногих на Земле, кто, прежде чем нажать на иконку, решил прочитать инструкцию.

Это история о том, что в мире, который превратился в игру, побеждает не тот, кто сильнее бьёт.

А тот, кто лучше считает.

Глава 1. Мелкий шрифт

В 14:06 Глеба Ракитина больше всего беспокоило, что дрель, которую он держал в руках, стоила на четыре тысячи дороже, чем в интернете.

Он стоял на первом этаже торгово-развлекательного центра «Меридиан», у стеклянной витрины строительного гипермаркета, и с профессиональным раздражением смотрел вверх. Над ним поднимался атриум — четыре этажа галерей, соединённых эскалаторами, и стеклянный купол на стальной пространственной ферме. Красивый купол. Глеб знал, кто его считал: бюро, в котором он проработал первые три года после института. И знал, что ферму там сделали на пятнадцать процентов легче, чем следовало, потому что заказчик экономил на металле.

Он всегда это знал, проходя здесь. И всегда чуть ускорял шаг.

В 14:07 купол засветился.

Не изнутри — снаружи. Будто кто-то включил над торговым центром огромный прожектор. Свет был холодный, голубоватый, и в нём не было теней.

А потом свет загорелся у Глеба перед глазами.

ИНИЦИАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ.
Носитель: Ракитин Глеб Андреевич. Возраст: 32.

Планета: Земля (сектор 7-Б).

Добро пожаловать. Ваш мир включён в Систему. Выберите класс. Время на выбор: 05:00.

Полупрозрачная панель висела в воздухе примерно в полуметре от лица. Глеб моргнул. Панель не исчезла. Он повернул голову — панель повернулась вместе с ним, как приклеенная к взгляду.

Под надписью светились иконки. Большие, яркие, с картинками. «Воин» — меч. «Маг» — огненный шар. «Целитель» — зелёный крест. «Лучник». «Разбойник». «Защитник». Ещё штук десять, поменьше.

И таймер. «04:52. 04:51».

Вокруг закричали.

Атриум «Меридиана» в субботу днём — это тысячи три человек. И у каждого перед глазами сейчас висела такая же панель. Женщина у фонтана махала руками перед лицом, пытаясь отогнать интерфейс. Мальчишка лет двенадцати восторженно тыкал пальцем в воздух — видимо, в иконку «Мага». Охранник у главного входа, огромный, бритый, в чёрной форме, стоял неподвижно с выражением полного счастья на лице.

А потом с улицы, через стеклянные двери главного входа, донёсся звук. Низкий, тяжёлый, вибрирующий. Как будто сразу сто трансформаторов вошли в резонанс.

На парковке, метрах в пятидесяти от входа, прямо в воздухе висела трещина. Вертикальная, высотой с двухэтажный

дом. Чёрная по краям, светящаяся изнутри тем же голубым светом. Края её медленно расходились, как края раны.

Из трещины выходили собаки.

Не собаки. Что-то размером с телёнка, на длинных ногах, с серой голой кожей и слишком большими головами. Они выходили по одной, неторопливо, принюхиваясь. Первая. Вторая. Пятая. Десятая.

Кто-то у входа увидел их — и закричал так, что крик перекрыл все остальные.

И толпа побежала.

Глеб потом много раз думал, почему он не побежал вместе со всеми.

Не от храбрости. Храбрым он себя никогда не считал. Скорее — от профессиональной деформации. Двенадцать лет его учили одной простой вещи: когда что-то идёт не так, сначала надо понять, что именно. Не бежать. Не хвататься за первое решение. Посмотреть на расчётную схему.

А расчётная схема была такая.

Три тысячи человек в атриуме. Четыре выхода. Главный — прямо на парковку, где стоят твари. Два боковых — в торцах здания, на тех же парковках. Четвёртый — служебный, через погрузочную зону гипермаркета, в котором Глеб сейчас стоял.

Толпа бежала к главному и к боковым. Как на всех пожарах всех торговых центров. Туда, откуда пришла.

На главном входе уже давили. Людей прижимало к стеклянным дверям, двери выгибались, кто-то падал, и по нему шли. А на парковке твари подняли головы. Повернулись к стеклу. И пошли. Неторопливо. Будто знали, что спешить не нужно.

«03:41», — сообщил таймер.

Глеб развернулся и пошёл в гипермаркет. Не побежал — пошёл. Быстрым шагом, мимо стеллажей с ламинатом, мимо отдела сантехники, мимо касс. К служебной двери в дальнем конце торгового зала.

Служебная дверь вела в технический коридор. Бетонный, с трубами под потолком. Налево — погрузочная зона, грузовые ворота. Направо — лестница вниз, к венткамере и щитовой.

Через грузовые ворота пробивался тот же голубой свет. Значит, и там трещина.

Он пошёл направо. Вниз.

Дверь венткамеры была стальной, на мощных петлях, с табличкой «Посторонним вход запрещён». Не заперто — видимо, техник ушёл обедать. Внутри гудели огромные вентиляторы приточной системы, в полу темнели решётки воздуховодов, по стенам тянулись жестяные короба.

Глеб закрыл за собой дверь. У стены стоял лом. Он вставил лом в дверную ручку и упёр в косяк. Не идеально. Но против твари, которая не умеет пользоваться ручками, — сойдёт.

Потом сел на пол, прислонился спиной к холодному бетону и посмотрел на панель.

«02:58».

Наверху кричали. Даже здесь, через два перекрытия и гул вентиляторов, было слышно. Глеб старался не слушать.

Он смотрел на иконки. Под каждой — короткое описание. «Воин: повышенная сила и выносливость. Навык: Мощный удар». «Маг: управление стихиями. Навык: Огненный шар». Всё просто. Нажми — и получишь.

Слишком просто.

Глеб двенадцать лет работал с программами для расчёта конструкций. И выучил одно железное правило: если интерфейс выглядит слишком простым — значит, все важные настройки спрятаны.

Он провёл пальцем по краю панели. Потянул за угол. Панель чуть сдвинулась — и снизу проступила полоска мелкого серого текста. Почти невидимого, нарочно бледного, как сноска в договоре кредитной карты.

«Пользовательское соглашение Системы (412 стр.). Принято по умолчанию. Ознакомиться».

«02:31».

Он нажал «Ознакомиться».

Панель развернулась в длинный документ. Таймер в углу дёрнулся — и остановился.

«Время, затраченное на ознакомление с Пользователь-

ским соглашением, не засчитывается в лимит выбора класса (п. 1.4)».

Конечно, не засчитывается. Кто бы ни делал эту Систему, он знал, что девяносто девять процентов пользователей никогда не откроют соглашение. Иначе зачем прятать ссылку так старательно?

Глеб начал читать.

Читал он, по ощущениям, час. Наверху за это время крики стихли — то ли люди разбежались, то ли кончились. Глеб запретил себе об этом думать.

Соглашение было написано сухим канцелярским языком, будто его переводили машинным переводом, а потом правил очень педантичный юрист. Большая часть — скучная: права носителя, порядок начисления опыта, правила торговли. Но некоторые пункты Глеб перечитал по три раза.

Пункт 3.1: «Система функционирует в полном соответствии с физическими законами мира носителя. Все навыки, способности и эффекты являются воздействиями, подчиняющимися законам сохранения энергии, импульса и массы».

То есть никакой магии. Огненный шар — это просто огонь. Со всеми последствиями.

Пункт 3.7: «Энергетический ресурс носителя (в стандартном интерфейсе — «мана» или «выносливость») измеряется в единицах работы. Расход ресурса на навык равен работе, совершаемой навыком, с учётом КПД носителя».

Мана в джоулях. Каждый огненный шар — сколько-то килоджоулей тепла, и ровно столько же уходит из запаса мага. Тот, кто будет швырять огонь направо и налево, выдохнется за минуту.

Пункт 5.2: «При выборе класса из списка по умолчанию применяется автонастройка по стандартному шаблону класса».

Пункт 5.3: «Носитель вправе отказаться от автонастройки и выполнить ручную настройку интерфейса. За ручную настройку начисляется бонус адаптации: +30% к эффективности всех навыков, а также доступ к скрытым классам, соответствующим профессиональному профилю носителя».

Скрытые классы. Соответствующие профессиональному профилю. Плюс тридцать процентов.

Подпункт 5.3.1: «Ручная настройка требует от носителя понимания физической сущности настраиваемых параметров. Система вправе проверить такое понимание».

А в разделе одиннадцатом, «Узлы и Прорывы», был пункт, на котором Глеб задержался дольше всего.

Пункт 11.6: «Носитель, уничтоживший Стража Ядра Прорыва до истечения таймера стабилизации, получает права Администратора Узла, к которому относится Прорыв, включая все территории в радиусе действия Узла».

Он пока не знал, что это значит. Но запомнил.

Глеб закрыл соглашение. Таймер снова пошёл. Он нашёл в

настройках пункт «Ручная настройка интерфейса» и нажал.

Панель мигнула. Иконки классов исчезли. Вместо них появилась одна строка:

«Подтвердите понимание. Задача: консольная стальная балка двутаврового сечения длиной 3 м жёстко заделана в стену. Момент сопротивления сечения — 289 см³. Допустимое напряжение — 160 МПа. Определите максимальную сосредоточенную нагрузку на свободном конце».

Глеб засмеялся. Вслух, в пустой венткамере, сквозь гул вентиляторов.

Задача из второго семестра. Он сам давал её студентам, когда три года подрабатывал ассистентом на кафедре.

Допустимый момент — напряжение на момент сопротивления. Сто шестьдесят мегапаскалей на двести восемьдесят девять кубических сантиметров — сорок шесть с небольшим килоньютон-метров. Поделить на три метра плеча.

— Пятнадцать и четыре десятых килоньютона, — сказал он вслух.

«Ответ принят. Профессиональный профиль подтверждён: инженер-конструктор, строительная механика. Ручная настройка разрешена. Бонус адаптации начислен».

«Доступны скрытые классы (1): Фортификатор (Геометр). Специализация: управление силовыми векторами, анализ конструкций, построение защитных

и поражающих геометрических систем. Базовый навык: Векторное натяжение. Пассивный навык: Расчётная схема».

Он не раздумывал.

«Класс выбран: Фортификатор. Уровень: 1».

Мир изменился.

Не сильно. Венткамера осталась венткамерой. Но поверх неё, тонкими светящимися линиями, будто нарисованными на кальке, проступили стрелки. Векторы. Над каждым предметом.

Над решёткой воздуховода — маленькая стрелка вниз: «вес 14 кг». Над жестяным коробом — стрелки от точек крепления: «усилие в подвесах 0,8 кН». Над стальной дверью — стрелки на петлях. Над ломом в дверной ручке — тонкая красная линия: «изгиб, запас прочности 2,1».

Расчётная схема.

Он видел нагрузки. Видел, как силы текут через предметы, как давят, тянут, гнут. Как тогда, в институте, когда он впервые по-настоящему понял сопромат и мир на несколько недель стал для него набором эпюр.

И ещё — в углу зрения:

«Энергия: 18,4 кДж / 18,4 кДж. Восстановление: 0,3 кДж/мин».

Килоджоули. Не очки. Килоджоули.

Глеб открыл описание базового навыка.

«Векторное натяжение (ур. 1). Позволяет приложить к выбранной точке объекта в поле зрения носителя на расстоянии до 15 м силу заданного направления величиной до 3 кН на время до 4 с. Расход энергии равен работе приложенной силы. Бонус адаптации: +30%».

Три килоньютона. Плюс тридцать процентов — почти четыре. Примерно столько, сколько нужно, чтобы поднять четырёхсоткилограммовый груз. Или — Глеб прикинул — чтобы очень сильно дёрнуть за что-нибудь, что уже движется.

Немного. Рядом с «Мощным ударом» воина — смешно.

Но Глеб двенадцать лет занимался тем, что заставлял маленькие силы держать большие нагрузки. Всё дело было не в величине силы. А в том, куда её приложить.

Наверху что-то грохнуло. Тяжело, глухо, так, что с потолка венткамеры посыпалась пыль. Потом ещё раз. Потом — крик. Мужской, яростный, совсем рядом. Не наверху — в техническом коридоре, за дверью.

Глеб вскочил.

Сквозь дверь, сквозь сталь и бетон, его новое зрение видело стрелки. Векторы движения — быстрые, рваные. Человек. Бежит. За ним — что-то тяжелее и быстрее, с векторами, вытягивающимися вперёд длинными прыжками.

А потом в дверь венткамеры с той стороны заколотили кулаками.

— Откройте! — закричал женский голос. — Откройте, ради бога! Там охранник один, а их три!

Глеб посмотрел на лом в дверной ручке. На стрелки за дверью.

Выйти — значит, встретить тварей размером с телёнка без оружия, с навыком первого уровня и восемнадцатью килоджоулями энергии.

Не выйти — значит, слушать, как за дверью умирают.

Он выдернул лом из ручки.

Глава 2. Импульс

За дверью стояла женщина лет тридцати в белом халате аптечного провизора, забрызганном чем-то тёмным. Над ней висела строчка: «Целитель, ур. 1. Энергия: 9,2 кДж». Она влетела в венткамеру, едва Глеб открыл дверь, и тут же развернулась обратно, глядя в коридор.

— Он там, — выдохнула она. — Охранник. Он их держит. Он сказал, чтобы я бежала.

Глеб выглянул.

Технический коридор тянулся метров на сорок — бетонный, прямой, с трубами под потолком и редкими лампами в решётчатых плафонах. В дальнем конце, у поворота к погрузочной зоне, шла драка.

Охранник. Тот самый, огромный, бритый, которого Глеб видел у главного входа со счастливым лицом. Над ним горело: «Берсерк, ур. 2. Энергия: 31 кДж… 27… 22…». Он стоял посреди коридора с куском стальной трубы в руках и орал. Не от страха — от ярости, от восторга, от того, что было в нём сейчас вместо крови.

На полу у его ног лежала тварь. Мёртвая — голова размозжена, серая кожа лопнула. Одна.

Вторая кружила вокруг него, прижимаясь к стене. Над ней: «Гончая Разлома. Масса: 94 кг».

А третья стояла чуть поодаль. Неподвижно. Наблюдала.

Она была больше остальных. Почти вдвое. Серая кожа на загривке и плечах — не голая, а покрытая пластинами, похожими на хитин. И голова — не просто большая, а вытянутая, с челюстями, которые раскрывались, кажется, на всю длину черепа.

«Гончая Разлома (элитная). Масса: 182 кг. Скорость прыжка: до 11 м/с».

Сто восемьдесят два килограмма. Одиннадцать метров в секунду. Глеб машинально перемножил. Импульс — почти две тысячи ньютон-секунд. Это как если бы в тебя на полном ходу врезался мотоцикл с седоком.

— Сюда! — заорал охранник. — Ну, давай! Давай, тварь!

Энергия над ним: «18… 14…». Берсерк жёг её, как костёр жжёт солому. Каждый удар трубой — несколько килоджоулей. Каждый рык — ещё. Ярость — это тоже работа. А работа стоит энергии.

«11…»

Обычная гончая бросилась. Охранник ударил трубой наотмашь, страшно, с хрустом. Тварь отлетела к стене и затихла.

«6…»

Он обернулся к элитной. Ухмыльнулся окровавленным ртом.

— Ну? Ты следующая.

«2…»

Элитная гончая прыгнула.

Глеб видел это в замедленной съёмке — не потому, что время замедлилось, а потому что его новое зрение рисовало вектор. Длинная, почти горизонтальная стрелка от лап твари к груди охранника. Одиннадцать метров в секунду.

Охранник поднял трубу.

«Энергия: 0».

Труба не поднялась. Рука, ещё мгновение назад державшая её как прутик, вдруг стала просто рукой. Обычной человеческой рукой, державшей восемь килограммов стали. Охранник даже успел удивиться — Глеб видел это на его лице.

А потом сто восемьдесят два килограмма ударили его в грудь.

Три секунды. С того момента, как кончилась энергия, до того, как всё кончилось.

Женщина в белом халате за спиной Глеба издала звук, которого он потом долго не мог забыть.

Элитная гончая подняла голову от тела. Посмотрела вдоль коридора. На открытую дверь венткамеры. На двух людей в ней.

И медленно пошла к ним.

Глеб захлопнул дверь. Вставил лом в ручку. Посмотрел на расчётную схему двери.

«Дверь стальная, 1,2 мм. Петли: 2 шт., запас 3,4. Лом в ручке: изгиб, запас 2,1. Предельная ударная нагрузка — 1

400 Н·с».

Тысяча четыреста. А у твари — почти две тысячи.

Дверь не выдержит. С первого удара — может быть. Со второго — точно нет.

— Как вас зовут? — спросил он, не оборачиваясь.

— Что?

— Как вас зовут?

— Лера. Валерия. Соколова. — Голос у неё дрожал. — Я из аптеки. На первом этаже.

— Лера, отойдите к дальней стене. За вентилятор. И не высовывайтесь, что бы ни случилось.

Он огляделся.

Венткамера. Четыре на шесть метров. Два больших вентилятора в стальных кожухах. Решётки в полу. Короба по стенам. У дальней стены — стеллаж с запчастями: фильтры, ремни, банки с краской. И катушка.

Катушка стального троса. Новенькая, на деревянном барабане, с биркой: «Канат стальной ГОСТ 2688, ø 8,3 мм. Разрывное усилие 37,9 кН. Для замены — грузовой лифт № 2».

Трос для лифта. Техник, видимо, принёс его сюда на хранение.

Глеб посмотрел на трос. Потом на дверь. Потом — на два стальных кожуха вентиляторов, вмурованных в бетонный пол анкерными болтами.

«Кожух вентилятора. Крепление: 4 анкера М16. Предельное усилие на вырыв: 48 кН».

В голове у него, как на экране расчётной программы, сама собой нарисовалась схема.

Удар в дверь сотряс венткамеру. Дверь прогнулась внутрь. Лом в ручке согнулся. Расчётная схема над ним покраснела: «запас 1,1».

Секунд десять. Может, пятнадцать.

Глеб схватил катушку, сорвал с неё бирку и размотал конец. Протянул трос от кожуха одного вентилятора к кожуху другого — через всю камеру, поперёк, в двух метрах от двери. Обмотал вокруг стального уголка рамы, раз, другой, третий. Затянул узел — не тот, которым вяжут в кино, а настоящий, строительный, который не развязывается под нагрузкой.

Трос лёг на пол. Свободно, провиснув, почти незаметный в полумраке между решётками.

Второй удар. Петля двери лопнула. Дверь повисла на одной, перекосившись.

Глеб отступил за второй вентилятор. Встал так, чтобы видеть и дверь, и трос.

И начал считать.

Тварь войдёт. Увидит его — за вентилятором, в четырёх метрах. Прыгнет. Она прыгает на цель, по прямой — он видел, как она прыгнула на охранника. Длинная, почти горизонтальная траектория. Высота груди в момент прыжка — около метра.

Трос лежит на полу. Чтобы он встал на высоту метра, его

нужно поднять. Сам он не поднимется.

Но поднять провисший трос — это не то же самое, что остановить тварь. Это ерунда. Несколько десятков ньютонов, чтобы выбрать слабину, и чуть больше — чтобы натянуть. Даже на первом уровне его навыка хватит с огромным запасом.

Остановит тварь не навык. Остановит её она сама.

Сто восемьдесят два килограмма на одиннадцати метрах в секунду. И стальной трос диаметром восемь миллиметров, натянутый между двумя анкерованными кожухами. Трос не надо было держать — его держали анкеры. Сорок восемь килоньютонов на вырыв. А тонкий трос, в который врезается тело на полной скорости, — это не канат. Это лезвие.

Вся энергия будет её собственной.

Третий удар.

Дверь вылетела внутрь и грохнулась на решётку пола. В проёме стояла элитная гончая. Огромная, серая, с окровавленной пастью. Над ней мигали цифры. Масса. Скорость. Вектор взгляда — прямо на Глеба.

Она присела. Задние лапы напряглись.

Глеб видел вектор раньше, чем она прыгнула. Вектор её мышц, собирающих силу. Направление. Высоту.

Он выбрал точку на тросе. Середину. Направление — вверх. Сила — сто двадцать ньютонов. Время — полсекунды.

Тварь прыгнула.

«Векторное натяжение».

Трос взлетел с пола и натянулся, как струна, — ровно на высоте метра. Ровно на пути вектора.

Звук был короткий. Мокрый. И какой-то будничный — будто кто-то разрезал проволокой большой кусок масла.

Сто восемьдесят два килограмма пролетели через трос, не замедлившись. Почти не замедлившись. Тварь ударилась о кожух вентилятора, за которым стоял Глеб, — уже двумя частями. Кожух загудел, как колокол. Брызнуло тёмным.

Потом стало тихо. Только гудели вентиляторы.

«Гончая Разлома (элитная) уничтожена. Получено опыта: 340».

«Уровень повышен: 2. Уровень повышен: 3».

«Достижение: Чистая работа. Уничтожение элитного противника без получения урона и с расходом энергии менее 1%. Награда: +1 к Восприятию».

«Израсходовано энергии: 0,06 кДж».

Шестьдесят джоулей. Поднять трос на метр. Всё остальное сделала физика.

Глеб стоял за вентилятором и смотрел на то, что лежало у кожуха. Руки у него тряслись. В горле стоял ком. Он не был героем, не был бойцом, не был охотником. Он был инженером, который двенадцать лет считал нагрузки на перекрытия. И только что разрезал живое существо пополам стальным тросом.

Трос, к слову, выдержал. Расчётная схема над ним показывала: «Растяжение: пик 31,4 кН. Запас: 1,2». Восемьдесят три процента от разрывного. Немного не дотянул до предела.

Анкеры кожухов — тоже. «Пик 31,4 кН. Запас: 1,5».

Всё было посчитано правильно. С небольшим запасом. Как и полагается.

— Вы… — Лера выглянула из-за второго вентилятора. Лицо у неё было белое. — Вы её… как?

— Импульс, — сказал Глеб. Голос был хриплым. — Она сама. Я только поднял трос.

Лера смотрела на него, на трос, на то, что лежало у вентилятора. Потом вдруг согнулась пополам, и её вырвало на решётку пола.

Глеб подождал, пока она закончит. Потом протянул ей бутылку воды, которая с самого торгового центра лежала у него в кармане куртки.

— Охранник, — сказала Лера, вытирая рот. — Его звали Тимур. Он сказал мне бежать. Он выбрал «Берсерка», сказал — так быстрее всего прокачаться. Он смеялся.

— Берсерк сжигает энергию, — тихо сказал Глеб. — Киложоули в секунду. Ярость — это работа. Он потратил всё за минуту. И когда кончилось — у него осталась просто человеческая рука.

— Откуда вы знаете?

— Я видел, как кончилось.

Лера долго молчала.

— Вы его не спасли, — сказала она. Без упрёка. Просто констатируя.

— Нет, — согласился Глеб. — Не успел.

Он вышел в коридор. Прошёл к телу охранника. Тимур лежал на спине, с открытыми глазами, с куском трубы в руке. Счастливое выражение так и осталось у него на лице.

Глеб закрыл ему глаза.

В дальнем конце коридора, у поворота к погрузочной зоне, лежали ещё две гончих — обычные, убитые Тимуром. За поворотом было тихо. Расчётная схема не показывала там ни одного движущегося вектора.

— Лера, — сказал Глеб. — В гипермаркете ещё кто-нибудь остался?

— Человек двадцать. Может, больше. Мы прятались в складе за кассами. Потом туда полезли эти… — Она сглотнула. — Тимур увёл их на себя. В коридор.

— Двадцать человек. — Глеб посмотрел на катушку троса, на вентиляторы, на выбитую дверь. — Хорошо. Пойдём к ним.

Склад за кассами гипермаркета был забит людьми. Двадцать три человека, если считать двух детей. Продавцы в оранжевых жилетах, покупатели, грузчик со сломанной рукой. Над каждым — классы. «Воин, ур. 1». «Маг, ур. 1». «Защитник». «Лучник». Почти все — автонастройка. Почти у всех — по пять-десять килоджоулей энергии и ни малейше-

го понятия, что с ними делать.

Они смотрели на Глеба с ужасом и надеждой. Потом — на Леру, забрызганную кровью. Потом снова на Глеба.

— Тимур? — спросил кто-то.

— Погиб, — сказал Глеб. — Он убил двух. Третью убил я.

— Ты? — Плотный мужик в оранжевом жилете с бейджем «Старший кассир» шагнул вперёд. Над ним: «Воин, ур. 1». — Ты кто такой вообще?

— Инженер, — сказал Глеб.

Мужик открыл рот, собираясь что-то сказать. Но в этот момент здание вздрогнуло.

Не от удара. От звука. Того самого — низкого, вибрирующего, как сто трансформаторов в резонансе. Только в десять раз громче. И не снаружи — сверху.

И перед глазами у всех двадцати пяти человек одновременно вспыхнула панель.

«ВНИМАНИЕ. Над объектом «ТРЦ Меридиан» формируется Ядро Прорыва».

«До стабилизации Ядра: 10:00».

«По завершении стабилизации из Ядра выйдет Страж Прорыва. Рекомендуемый уровень для противостояния: 25+».

Кто-то закричал. Кто-то заплакал. Старший кассир побелел так, что бейдж на его груди стал казаться ярким.

А Глеб смотрел на таймер. «09:58. 09:57».

И вспоминал пункт одиннадцать-шесть Пользовательско-

го соглашения.

«Носитель, уничтоживший Стража Ядра Прорыва до истечения таймера стабилизации, получает права Администратора Узла».

До истечения таймера. Не после выхода Стража.

До.

Глава 3. Десять минут

— В подвал! — заорал старший кассир. — Все в подвал! Там бомбоубежище, там толстые стены!

Склад взорвался криком и движением. Люди хватали детей, сумки, друг друга. Кто-то побежал к двери, кто-то — к служебной лестнице. Лера Соколова схватила за руку грузчика со сломанной рукой и потащила за собой.

Глеб стоял неподвижно посреди этого хаоса и смотрел на таймер.

«09:31».

Подвал. Да. Под «Меридианом» действительно было убежище — два уровня подземной парковки, а под ними технический этаж с толстыми стенами. Если Страж выйдет из Ядра, люди в подвале проживут чуть дольше, чем люди наверху. На сколько — Глеб не знал. Рекомендуемый уровень для противостояния — двадцать пять. Во всём «Меридиане» сейчас не было никого выше третьего.

Кроме, может быть, никого.

Он открыл Пользовательское соглашение. Таймер Ядра, разумеется, не остановился — пункт один-четыре касался только выбора класса. Глеб пролистал до раздела одиннадцатого. Пункт одиннадцать-шесть он помнил наизусть. Ему нужны были соседние.

Пункт 11.4: «Страж Ядра формируется в процессе стаби-

лизации. До истечения таймера Страж находится в состоянии материализации: его масса и защитные параметры возрастают пропорционально прошедшему времени».

Пункт 11.5: «Страж в состоянии материализации может быть уничтожен. Защитные свойства Стража в этом состоянии определяются его текущей массой и структурной целостностью».

Глеб закрыл соглашение.

Страж растёт. Сейчас, прямо сейчас, над торговым центром, в Ядре, собирается что-то, у чего через девять минут будет полная масса и полная защита. Но пока — не полная. Пока у него — часть массы. Часть прочности. Он формируется, как бетон схватывается в опалубке.

А бетон, который ещё не набрал прочность, можно разрушить.

— Эй! — Старший кассир, уже стоявший в дверях, обернулся. — Инженер! Ты чего застыл? В подвал, говорю!

— Идите, — сказал Глеб. — Я догоню.

Он не пошёл в подвал.

Он пошёл в отдел крепежа.

Гипермаркет был пуст. Стеллажи стояли нетронутыми — никто в первые полчаса апокалипсиса не подумал грабить строительный магазин. Глеб шёл между рядами быстро, но не бежал, и смотрел. Его расчётная схема рисовала над каждым товаром массу, прочность, усилие. Но сейчас ему нуж-

но было не это.

Сейчас ему нужна была схема здания.

Он знал её. Не всю — но главное. Бюро, в котором он работал первые три года, считало купол и верхние перекрытия «Меридиана». Глеб, тогда ещё младший инженер, сидел над этими чертежами два месяца.

Купол — пространственная стальная ферма, опирающаяся на шестнадцать колонн по периметру атриума. Облегчённая на пятнадцать процентов. Над ней — ничего, только стекло и небо.

А рядом с куполом, на крыше, с восточной стороны — технический этаж. Монолитная железобетонная коробка. Внутри — крышная газовая котельная, отопление всего торгового центра. Перекрытие над котельной — сборные пустотные плиты, восемь штук, по шесть метров каждая, лежащие на стальных балках. Над плитами — кровельный пирог и площадка для вентиляционного оборудования.

Глеб помнил, как тогда, двенадцать лет назад, спорил со старшим инженером. Плиты лежали на балках слишком узкой полкой. Опирание — на пределе. «Нормы позволяют», — сказал старший. Глеб промолчал.

Он нашёл то, что искал.

Отдел крепежа. Стенд с монтажными пистолетами — пороховыми, для забивания дюбелей в бетон. И коробки патронов к ним. Строительные патроны. Маленькие латунные гильзы с зарядом пороха, обжатые сверху. Каждый — как

маленький выстрел.

Глеб взял пистолет, проверил, зарядил. Сунул в карманы куртки четыре коробки патронов — по сто штук в каждой. Взял моток стального троса — того самого, восьмимиллиметрового, с барабана в отделе такелажа. Угловую шлифмашинку на аккумуляторе. Два запасных аккумулятора.

«07:48».

И тогда, когда он проходил мимо касс к служебной лестнице, перед глазами вспыхнула панель.

«Носитель достиг уровня 3. Открыт классовый магазин Фортификатора».

«За достижение «Чистая работа» начислен 1 бесплатный чертёж из каталога уровня 1–5. Выберите».

Каталог развернулся длинным списком. Чертежи. Простые, понятные: «Растяжка (базовая)», «Опорная точка», «Отражающая плоскость». У каждого — описание, требования, стоимость в системных кредитах.

И один — внизу, серым шрифтом, с красной пометкой.

«Чертёж: Схлопывание объёма. Ограниченная геометрическая система. Позволяет создать из Плоскостей замкнутый объём заданной формы и вызвать в нём контролируемую реакцию. ВНИМАНИЕ: применение запрещено в населённых зонах. При неправильном расчёте носитель подвергается воздействию реакции. Требования: навык «Плоскость» (ур. 1), Восприятие 6+, понимание принципов объёмного горе-

ния».

Восприятие у Глеба после «Чистой работы» было ровно шесть.

Навыка «Плоскость» у него не было. Но рядом, в магазине, мигала строка: «Плоскость (ур. 1). Создаёт неподвижную непроницаемую плоскость заданной формы площадью до 4 $м^2$ на время до 20 с. Прочность плоскости обратно пропорциональна её площади. Открывается на уровне 3».

На уровне три. Он был на уровне три.

Глеб выбрал «Схлопывание объёма». Потом — «Плоскость».

«Навык получен. Чертёж получен».

«07:12».

Служебная лестница вела на крышу. Двенадцать пролётов. Глеб поднимался быстро, перешагивая через ступени, и считал.

Объёмный взрыв. Взрыв газовоздушной смеси в замкнутом пространстве. В природе — то, что разносит дома, когда кто-то забыл выключить газ. В армии — то, что называют термобарическими боеприпасами. Давление во фронте — несколько атмосфер. В замкнутом объёме — ещё больше, потому что волне некуда уходить.

Но для объёмного взрыва нужен газ. Много газа. И замкнутый объём.

Газ был. В крышной котельной. Газопровод среднего дав-

ления, входящий в здание через техэтаж. Глеб знал, где задвижка. Он сам когда-то проверял расчёт на ветровую нагрузку для опор этого газопровода.

Замкнутый объём — тоже. Техэтаж. Монолитная коробка с восемью плитами перекрытия на узких полках.

Оставался вопрос: где формируется Страж?

Глеб открыл дверь на крышу.

Небо над «Меридианом» было неправильным.

Облака кружились медленной воронкой, как вода в сливе, — над самым центром купола. А в центре воронки, метрах в тридцати над стеклом, висел шар. Огромный, метров десять в диаметре. Он светился изнутри тем же холодным голубым светом, что и трещины на парковке, и медленно, тяжело пульсировал.

Ядро Прорыва.

Под шаром, на стеклянном куполе, лежала тень. Не тень — силуэт. Будто кто-то начертил на стекле контур огромного существа светящейся краской. Контур был размыт, неясен, но с каждой пульсацией Ядра становился чётче. Длинное тело. Множество конечностей. Голова, которая была, кажется, больше, чем всё остальное.

Глеб посмотрел на него Расчётной схемой.

«Страж Прорыва. Состояние: материализация (31%). Текущая масса: 4,7 т. Расчётная масса после стабилизации: 15,2 т. Структурная целостность: 28%».

Пятнадцать тонн. Через семь минут на стеклянный купол, на облегчённую на пятнадцать процентов ферму, ляжет пятнадцать тонн живого веса.

Глеб посмотрел на ферму. Расчётная схема нарисовала над ней сеть усилий — тонкие стержни, узлы, стрелки сжатия и растяжения. И цифру в центре.

«Пространственная ферма купола. Расчётная нагрузка: 8,4 т (снег + оборудование). Текущая нагрузка: 4,9 т. Запас: 1,7».

Восемь и четыре тонны. Ферма не выдержит Стража. Когда он стабилизируется, когда наберёт полную массу, — купол рухнет. И Страж упадёт вниз, в атриум. Прямо на четыре этажа галерей. Прямо на лестницы, ведущие в подвал.

А если ферма рухнет раньше? Когда Страж ещё не стабилизировался?

Глеб медленно повернул голову к востоку. К техэтажу. К бетонной коробке котельной, примыкающей к куполу.

Купол опирается на шестнадцать колонн. Четыре из них, с восточной стороны, — общие с каркасом техэтажа. Если обрушить техэтаж — эти четыре колонны потеряют связь. Ферма купола перекосится. Нагрузка перераспределится на оставшиеся двенадцать.

И Страж, который ещё не стабилизировался, у которого структурная целостность двадцать восемь процентов, упадёт.

Не вниз. Вбок.

В техэтаж. В бетонную коробку, заполненную газом.

Глеб стоял на крыше, ветер трепал его куртку, а в голове у него, как на экране расчётной программы, складывалась схема. Последовательность. Узлы, усилия, тайминги. Где перерезать трос. Где выбить опору. Где поставить Плоскости, чтобы закупорить объём. Когда поджечь.

Ошибиться было нельзя. Ни в одной цифре.

«05:44».

Снизу, через открытую дверь на крышу, донёсся голос.

— Инженер!

Глеб обернулся. На лестнице, двумя пролётами ниже, стояла Лера Соколова. Растрёпанная, запыхавшаяся, с белым лицом.

— Вы что делаете? — закричала она. — Все в подвале! Там Страж через пять минут!

— Знаю, — сказал Глеб. — Идите вниз, Лера.

— А вы?

— А я его убью. До того, как он выйдет.

Лера смотрела на него так, будто он сказал что-то на незнакомом языке.

— Рекомендуемый уровень — двадцать пять! А у вас три!

— У меня три, — согласился Глеб. — А у здания — двенадцать лет моих расчётов и пятнадцать процентов недоложенного металла. — Он помолчал. — Лера. Если через пять минут я не спущусь — заприте подвал изнутри и не откры-

вайте, пока Система не скажет, что Страж мёртв. Хорошо?

Она долго смотрела на него. Потом медленно кивнула и пошла вниз.

Глеб повернулся к техэтажу.

Дверь котельной была заперта. Он не стал её открывать. Монтажный пистолет, приставленный к замку, выплюнул дюбель. Замок вылетел.

Внутри было тепло, сумрачно, гудели горелки котлов. Газопровод — жёлтая труба вдоль стены. Задвижка на вводе. Над головой — восемь пустотных плит перекрытия, лежащих на стальных балках. Расчётная схема горела над ними оранжевым: «Опирание: 90 мм. Минимально допустимое: 80 мм. Запас по смятию: 1,3».

Тонко. Как он тогда и говорил старшему.

Он выключил горелки. Перекрыл автоматику. Подошёл к задвижке. Положил на неё руку.

Потом поднял голову к пролому в крыше, через который видно было небо. Ядро над куполом пульсировало всё чаще. Контур Стража на стекле стал почти чётким.

«Страж Прорыва. Материализация: 58%. Масса: 8,8 т. Структурная целостность: 51%».

Ферма купола под ним скрипнула. Глеб услышал это даже здесь — долгий, низкий, металлический стон.

«Пространственная ферма купола. Нагрузка: 8,9 т. Запас: 0,94».

Меньше единицы. Ферма уже работала за пределом.

«03:12».

Глеб открыл задвижку.

Газ пошёл с шипением, сначала тонким, потом всё громче. Запах — тот самый, который добавляют в бытовой газ, чтобы люди замечали утечку. Резкий, тошнотворный. Расчётная схема над котельной начала заливаться жёлтым: «Концентрация метана: 0,8%… 1,6%… 2,9%…»

Нижний предел взрываемости метана — пять процентов. Верхний — пятнадцать. Оптимум — около девяти с половиной. Глебу нужно было девять с половиной. Не меньше, не больше. И нужно было, чтобы к этому моменту в котельной оказался Страж.

Он вышел из котельной на крышу. Встал у края, между техэтажом и куполом. В руках — монтажный пистолет. В кармане — четыреста строительных патронов. На плече — моток стального троса. В голове — схема.

Над ним, в тридцати метрах, Ядро Прорыва пульсировало так часто, что свет почти не гас. Контур на стекле купола шевельнулся. Огромная голова чуть повернулась.

И посмотрела на него.

«Страж Прорыва. Материализация: 71%. Масса: 10,8 т. Структурная целостность: 64%».

«Пространственная ферма купола. Запас: 0,81».

«Котельная. Концентрация метана: 6,3%… 6,9%…»

«01:58».

Глеб поднял монтажный пистолет и прицелился в первый

узел фермы — тот, что крепил купол к восточной колонне техэтажа.

Палец лёг на спуск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Глава 4. Расчётный случай

Он не выстрелил.

В последнюю долю секунды, с пальцем на спуске, Глеб понял, что монтажный пистолет — неправильный инструмент. Дюбель, вбитый в узел фермы, ничего не перережет. Он просто войдёт в металл и застрянет. Инерция мышления: держишь в руках оружие — хочется стрелять.

А ферме не нужен был выстрел. Ей нужен был толчок.

Он опустил пистолет и посмотрел на ферму купола расчётной схемой. Внимательно. Стержень за стержнем, узел за узлом.

Пространственная ферма — это сотни тонких стальных труб, соединённых в узлах. Одни работают на растяжение, другие на сжатие. С растянутыми всё просто: они либо выдерживают, либо рвутся. Со сжатыми — сложнее. Сжатый тонкий стержень не ломается. Он выпучивается. Теряет устойчивость. Изгибается в сторону, как пластиковая линейка, если давить на неё с концов. И чем ближе нагрузка к критической, тем меньше нужно, чтобы его выпучить.

Глеб искал стержень, который был ближе всех к критической.

Нашёл.

Нижний пояс фермы, восточная сторона, третья панель от колонны техэтажа. Труба диаметром сто восемь миллимет-

ров. Над ней расчётная схема горела тёмно-красным: «Сжатие: 412 кН. Критическая сила потери устойчивости: 431 кН. Запас: 1,04».

Четыре процента. Труба держала нагрузку на самом краю. Как человек, стоящий на одной ноге на перилах моста.

А чтобы столкнуть человека с перил, не нужно бить его кулаком. Достаточно ткнуть пальцем.

«01:31».

Глеб выбрал точку на середине трубы. Направление — горизонтально, на восток, к техэтажу. Сила — всё, что мог дать навык. Почти четыре килоньютона.

«Векторное натяжение».

Ничего не произошло. Секунду. Две. Труба стояла, как стояла.

А потом изогнулась.

Медленно, почти лениво, будто нехотя. Середина её ушла в сторону на сантиметр. На два. На пять. Расчётная схема над ней вспыхнула белым — «Потеря устойчивости» — и труба сложилась пополам с визгом рвущегося металла.

И это было только начало.

Нагрузка, которую держала эта труба, мгновенно ушла на соседние. А они тоже работали на пределе. Следующая труба выпучилась за полсекунды. Потом ещё одна. Потом две сразу. Глеб видел, как красная волна бежит по ферме — от восточного края к центру, от стержня к стержню, как костяшки домино.

Купол накренился.

Весь — огромная стеклянная чаша на стальном каркасе. Восточный край пошёл вниз, западный — вверх. Стекло лопалось с оглушительным звоном, сыпалось вниз, в атриум, сверкающим водопадом. Контур Стража на стекле — уже почти не контур, почти живое тело, огромное, многоногое, — дёрнулся, пытаясь удержаться.

И заскользил.

Вбок. По накренившемуся куполу. На восток.

К техэтажу.

«Страж Прорыва. Материализация: 84%. Масса: 12,8 т».

Двенадцать тонн восемьсот килограммов рухнули на крышу техэтажа.

Глеб видел это и не видел одновременно. Видел глазами — огромное серое тело, падающее с купола на бетонную коробку. Видел расчётной схемой — цифры над пустотными плитами перекрытия.

«Опирание: 90 мм. Нагрузка: 340%… 610%… 880%…»

Плиты не сломались. Им не нужно было ломаться. Они просто соскользнули.

Девяносто миллиметров полки. Восемьдесят минимально допустимых. Двенадцать лет назад Глеб спорил со старшим инженером именно об этом. «Нормы позволяют». Нормы позволяли — для снега и вентиляционного оборудования. Для двенадцати тонн, рухнувших с высоты пяти метров,

— нет.

Плиты сошли с полок одна за другой, как карты из колоды, и провалились внутрь котельной. Вместе со Стражем.

Грохот был такой, что Глеба отбросило на колени. Крыша под ним задрожала. Из пролома над техэтажом взметнулось облако бетонной пыли.

Страж был внутри. В бетонной коробке. Под обломками плит.

В облаке метана с концентрацией девять и одна десятая процента.

«Страж Прорыва. Материализация: 87%. Структурная целостность: 41% (повреждения от обрушения)».

Он был жив. Под шестью плитами по три тонны каждая — жив. Глеб видел, как обломки над ним шевелятся. Как одна из плит медленно поднимается.

«00:52».

Дальше — Глеб это знал — у него было меньше двадцати секунд. Страж выберется. Или, что хуже, — разобьёт стену котельной, газ уйдёт, концентрация упадёт ниже предела. И тогда всё было зря.

Нужно было закупорить объём.

Глеб вскочил и побежал к пролому.

Пролом в крыше техэтажа был огромным — шесть на девять метров, там, где лежали плиты. Плоскость покрывала четыре квадратных метра. Её прочность — обратно пропор-

циональна площади. Если растянуть одну плоскость на весь пролом — она лопнет от первого же толчка.

Но Глеб не собирался растягивать одну.

Он поставил первую — два на два метра, в угол пролома, опираясь краями на уцелевшие балки. Вторую — рядом. Третью. Плоскости ложились, как плитка на пол, стык в стык, — и каждая, маленькая, была прочной. Расчётная схема над каждой горела зелёным: «Плоскость. 4 м^2. Прочность: 18 кПа».

«Энергия: 14,1 кДж… 11,8… 9,4…»

Четвёртая. Пятая. Шестая. Каждая стоила энергии. Немного — две-три килоджоуля. Но у Глеба было всего восемнадцать.

Седьмая плоскость встала, и энергия упала до трёх. Пролом был закрыт почти целиком. Оставалась щель — у края, у восточной стены, — метр на полтора.

Глеб поставил туда последнюю плоскость. Маленькую, на полтора метра. Прочную, как сталь.

«Энергия: 0,4 кДж».

Внизу, в котельной, Страж выбрался из-под плит. Глеб видел его сквозь полупрозрачные плоскости — огромное серое тело, поднимающееся на множестве ног, голову, которая повернулась вверх. На него.

Страж ударил в плоскости снизу. Одна из них треснула — Глеб видел, как над ней мигнули цифры: «Прочность: 18… 9… 3…». Но не лопнула. Соседние приняли нагрузку на се-

бя.

Плоскости продержатся двадцать секунд. Глеб создал первую восемнадцать секунд назад.

Он поднял монтажный пистолет. Прицелился в узкую щель между двумя плоскостями — там, где оставался зазор в несколько миллиметров. Не в Стража. В газ.

Строительный патрон — это маленький пороховой заряд. Когда он срабатывает, из ствола вылетает не только дюбель. Вылетает струя горячих газов, температура — несколько сотен градусов. И сноп искр.

Для газовоздушной смеси с концентрацией девять процентов этого было достаточно с огромным запасом.

Глеб нажал на спуск. И сразу — ещё раз, и ещё, для верности.

И бросился на крышу плашмя, лицом вниз, закрыв голову руками.

Он не услышал взрыва.

Сначала был свет. Белый, ослепительный, пробивающийся даже сквозь закрытые веки и сквозь руки. Потом удар. Не звук — удар, во всё тело сразу, будто его ударили огромной подушкой, которая весила тонну. Крыша подпрыгнула под ним. Его подбросило, перевернуло, швырнуло куда-то в сторону.

Потом было тихо. Совсем тихо. Только звон в ушах — высокий, тонкий, бесконечный.

Он лежал на спине и смотрел в небо. Облака над «Меридианом» больше не кружились воронкой. Ядро Прорыва — огромный светящийся шар над куполом — мигало. Неровно, судорожно, как лампа, у которой садится батарейка.

Глеб повернул голову.

Техэтажа больше не было. На его месте — дымящаяся бетонная яма. Стены коробки стояли, но были выгнуты наружу, как бока раздутой консервной банки, и все — в трещинах. Взрывная волна, запертая плоскостями сверху и бетоном с боков, искала выход — и нашла его в единственном месте, которое Глеб оставил слабым. В восточной стене, выходившей на пустую погрузочную площадку. Стена вылетела наружу целиком. Где-то внизу, на площадке, лежали её обломки.

Именно туда Глеб и рассчитывал. Не в атриум. Не к лестницам в подвал. На пустую площадку, где не было людей.

В яме, среди обломков котлов и плит, лежало то, что осталось от Стража.

Глеб не стал присматриваться.

Перед глазами вспыхнула панель. Огромная, яркая, во весь обзор.

«Страж Прорыва уничтожен. Время до стабилизации: 00:09».

«Получено опыта: 18 400».

«Уровень повышен: 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11».

«Достижение: Расчётный случай. Уничтожение Стража Прорыва противником, чей уровень ниже рекомендуемого более чем в 5 раз. Награда: уникальное звание «Инженер Прорыва»».

«Достижение: До звонка. Уничтожение Стража до истечения таймера стабилизации».

«Согласно п. 11.6 Пользовательского соглашения, носитель Ракитин Глеб Андреевич получает права Администратора Узла «Меридиан». Радиус действия Узла: 1 200 м».

Панель мигнула. И развернулась в новую. Совсем другую. С вкладками, картами, ползунками, цифрами.

«ИНТЕРФЕЙС АДМИНИСТРАТОРА УЗЛА».

«Энергия Узла: 2 400 000 кДж. Восстановление: 12 000 кДж/ч».

«Доступные функции: Защитный купол Узла. Правила территории. Закрытый магазин Администратора. Регистрация резидентов. Распределение энергии».

Два миллиона четыреста тысяч килоджоулей. У Глеба было восемнадцать.

Он лежал на спине на разбитой крыше и смотрел на эту цифру. Потом закрыл глаза.

Над ним, в небе, Ядро Прорыва медленно гасло. А потом — Глеб почувствовал это даже сквозь закрытые веки — что-то изменилось. Не в небе. Под ним. В здании. В земле. Будто кто-то включил огромный трансформатор, и всё вокруг, на

километр с лишним, вдруг стало его. Частью его. Продолжением.

Узел.

Лера нашла его через десять минут. Он так и лежал на спине, с монтажным пистолетом в руке. Лицо было в крови — из ушей, из носа. Брови обгорели. Куртка дымилась на плече.

Она упала рядом на колени. Положила ладони ему на грудь.

«Целитель, ур. 1. Навык: Малое восстановление. Энергия: 9,2 кДж… 6,1… 3,0…»

Она отдала всё, что у неё было. Звон в ушах Глеба стал тише. Кровь из носа остановилась.

— Вы с ума сошли, — сказала Лера. Голос её дрожал. — Вы просто с ума сошли.

— Возможно, — сказал Глеб. Свой голос он слышал, как сквозь вату. — Но я всё посчитал.

— Вы весь горите.

— Немного. — Он попытался сесть и не смог. — Лера. Люди в подвале?

— Живы. Все двадцать три. И ещё сорок с чем-то, которые прятались на парковке. Когда купол рухнул, — она запнулась, — когда купол рухнул, твари на парковке разбежались. Все. Как будто их кто-то позвал. А потом Система написала, что Страж мёртв. И что у Узла теперь есть хозяин.

Она посмотрела на него.

— Это вы? Хозяин?

Глеб посмотрел на панель администратора, висящую перед глазами. На цифру энергии Узла. На вкладку «Правила территории».

— Похоже на то, — сказал он.

И в этот момент перед глазами у него — и, как он потом узнал, у каждого человека в радиусе пятидесяти километров — вспыхнуло ещё одно сообщение. Короткое. Красное.

«ГЛОБАЛЬНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ СЕКТОРА 7-Б. Узел «Меридиан» захвачен. Администратор: Ракитин Г. А., уровень 11. Первый захваченный Узел сектора».

Лера прочитала его, и лицо её стало серьёзным.

— Теперь все знают, — сказала она тихо. — Все. Кто вы и где вы.

Глеб закрыл глаза.

— Да, — сказал он. — Это был неучтённый фактор.

Глава 5. Устав

К вечеру первого дня в «Меридиане» было сто сорок шесть человек.

Они шли весь день. Сначала — те, кто прятался на парковке и в соседних домах. Потом, когда над торговым центром поднялся защитный купол, — все, кто его увидел.

Купол Глеб включил сам. Через полчаса после того, как Лера поставила его на ноги. Интерфейс администратора был простым и понятным, как хороший расчётный комплекс: ползунок радиуса, ползунок прочности, строчка расхода энергии.

На весь радиус Узла — тысячу двести метров — купол стоил сорок тысяч килоджоулей в час. Втрое больше, чем Узел восстанавливал. За двое с половиной суток он высосал бы весь запас.

На сам торговый центр и прилегающую парковку — радиус двести метров — тысячу сто в час. Меньше одной десятой восстановления.

Глеб поставил двести метров.

Купол поднялся над «Меридианом» прозрачной голубоватой полусферой, едва заметной днём и светящейся ночью, как огромный ночник. Твари Разлома, которые к тому времени снова начали собираться на окраинах парковки, подошли к нему, ткнулись мордами — и отошли. Над куполом

горело: «Прочность: 340 кН/м^2». Гончая весом в сотню килограммов не могла пробить и тысячной доли.

И люди пошли на свет.

Проблемы начались через три часа.

Глеб сидел в бывшем кабинете управляющего торговым центром на четвёртом этаже — единственном помещении с целыми окнами — и разбирался с интерфейсом. Вкладка «Регистрация резидентов» показывала список: сто сорок шесть имён, у каждого класс, уровень, энергия. Вкладка «Закрытый магазин» — каталог, от которого у Глеба кружилась голова. Вкладка «Правила территории» была пустой.

В дверь постучали. Не постучали — заколотили.

На пороге стояла Лера, а за её спиной — двое мужчин из числа тех, кто пришёл днём с парковки.

— Склад гипермаркета, — сказала Лера. — Продуктовый, на минус первом. Там драка.

Драка уже кончилась, когда Глеб спустился. На полу склада, между стеллажами с консервами и крупой, сидел грузчик со сломанной рукой и держался за разбитый нос. Над ним стоял старший кассир — тот самый, плотный, в оранжевом жилете, с бейджем. Над ним горело: «Кравец Вадим, Воин, ур. 2». Рядом — ещё трое. Все — воины. Все — из тех, кто пришёл с парковки.

А за их спинами, у стены, стояли люди. Человек сорок. Молча.

— Что здесь? — спросил Глеб.

— Порядок, — сказал Кравец. Голос у него был громкий, уверенный. — Я — старший смены этого магазина. Склад — мой. Я решаю, кто что получает. Этот, — он кивнул на грузчика, — полез без спроса.

— Я детям хотел, — сказал грузчик, не поднимая головы. — Там женщина с двумя детьми. Им есть нечего.

— Дети получат, — сказал Кравец. — Когда я решу. По списку. Мой склад — мои правила. — Он повернулся к Глебу и улыбнулся. Нехорошо. — А ты, инженер, иди наверх. Сиди со своим куполом. Купол — твоё. А еда — моя.

Глеб посмотрел на него расчётной схемой.

Не на Кравца — на склад. На стеллажи. Двадцать три стеллажа, по шесть ярусов каждый. Консервы, крупа, макароны, мука, сахар, вода в бутылках. Расчётная схема рисовала над каждым ящиком вес. Глеб быстро прикинул.

Четырнадцать тонн продуктов. Сто сорок шесть человек. По килограмму в день на человека — на три месяца. Если не воровать и не портить.

Потом посмотрел на Кравца. На троих рядом с ним. На сорок человек у стены, которые молчали и смотрели.

Кравец не был злодеем. Глеб видел таких в каждой строительной бригаде: человек, которому всю жизнь говорили, что делать, и который в первый же день, когда говорить перестали, решил, что теперь его очередь. Опасный не сам по себе. Опасный тем, что за ним пойдут — потому что он громкий

и потому что у него есть склад.

— Вадим, — сказал Глеб негромко. — Вы знаете, что такое запас прочности?

Кравец моргнул.

— Чего?

— Запас прочности. Это когда конструкцию рассчитывают не на ту нагрузку, которую она будет держать, а на большую. В полтора раза. В два. Потому что всегда что-то идёт не так. Ветер сильнее. Снег тяжелее. Бетон хуже. — Глеб помолчал. — Этот склад — запас прочности. На сто сорок шесть человек. На три месяца. Если вы будете решать, кто что получает, — через месяц его не будет. Потому что вы будете давать своим больше, а остальные начнут воровать. Потом драться. Потом — убивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.